

Алик Гасанов

Чисто сердечно

*Сборник
рассказов № 18*

Алик Гасанов

**Чисто сердечно.
Сборник рассказов №18**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Чисто сердечно. Сборник рассказов №18 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851817-1

Неплохое чтение в дорогу. Юмор, соцреализм, семейные отношения. Многие хвалят. Невыдуманные истории о жизни, про жизнь и за жизнь.

ISBN 978-5-44-851817-1

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Вербa на Кубани	6
Вишня	7
Аня	9
В садике	11
Домовик	13
В парке	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Чисто сердечно Сборник рассказов №18

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1817-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верба на Кубани

Памяти деда моего, Скорбина Анатолия Леонтьевича.

...Верба росла на том берегу реки так близко к воде, что в жаркие и спокойные летние дни длинные и тонкие ветки её плавали в тёплой ряби, словно водоросли.

Течением они переплетались и распутывались, нежно полоскались, уходя в мутную глубину и вновь возвращались на солнечную поверхность.

Дерево было похоже на большую бледно-зелёную скирду сена. И если всмотреться внимательно, было видно, что раскинуло оно свои мощные ветви навесом поверх еле заметной скользкой тропки, уходящей в воду. Прямо возле комля удобная небольшая завалинка, просиженная кем-то. Знойный воздух не шелохнётся. Место вокруг тут открытое, всё пашни, да овраги меж них, и птицы редко залетают сюда. Ласточка любопытная расчертит зигзаг над вербой и улетит. Ни чего интересного!

А то бывает, что в летнем обеденном мареве рыба лениво плеснёт по воде и жужжащая мелкота в пыльной траве на миг смолкнет. И лишь камыш прибрежный сонно шелестит в слабом дуновении ветерка, качаясь в воде.

И как бывает часто на Кубани, всё вдруг замрёт задумчиво, словно вспомнив чего-то. Стихнет и прислушается. Небо ещё жаркое, но мрачнеет на глазах, становится матовым и запах жженого железа чувствуется во рту. Стрижи низко режут небо, тонко вереща: «Приготовьтесь!» Вся живность спешит спрятаться от греха по дальше. И становится неожиданно темно и жутковато. Время-то, день ещё! А темнеет, будто вечер. Где-то заворчал в небе, словно жестяную простынь торопливо вытряхнули и окно захлопнули. Верба темнеет, волнуется. Торопится достирать ветки, а поздно уж. Неожиданно толкает в спину ветерок, растрепав причёску. Начинает капать немного, и по сухой пыльной дороге вдоль поля босыми ногами пробегает первый дождик. Ветер догоняет его, задирает и толкает в реку. Дождь бьёт большими ледяными каплями по камышу и обиженно расплёскивается в реку. Река покрывается мурашками и вздыхает небольшой волной. А в самом центре горизонта серо-голубое небо трескается белой кривой ниткой и начинает ворчать. И ворчание это, медленно набирая силу и мощь, несётся к тебе навстречу по чёрной пашне. И вдруг взрывается где-то над головой так, что невольно приседаешь! И ещё! Ещё! Ещё!.. По башке!.. И злющий холодный ветер выворачивает вербе руку, пытаюсь повалить. А ледяной дождь бросает в тебя холодную воду пригоршней, заливает глаза. И не сбежать от него! Пашня липкая, тяжёлая. Упадёшь – на ногах по пуду мокрой холодной земли прилипло. Обними вербу, успокой её. Гроза тут – девка грубая, но отходчивая. Её только переждать. Спорить с ней – себе дороже!

Зимой река подо льдом.

Снега столько, что и не видно, где берег, а где поле. Верба, трясаясь от холода, всякий раз божится уйти полем и остаться между двух холмов, что между станицей Тбилисской и Северено. Но ветки, вмёрзшие в лёд, подруга-река держит крепко и убаюкивает вербу обещаниями. Потерпи, мол... Вот, смотри, и солнце уж на минутку пригрело более обычного и ветер подустал.

Шепчет еле слышно... Как же я без тебя? Потерпи, мол... Скоро весна уж...

Вишня

– За-а-а-апряга-ай-те-е, хлопцы коней! Тай лягайте спа-ачу-увать!...

– Ра-а-аспрыгайтэ, хлопцы конэй!, – тут же перекрикиваю я сверху с вишни, – Тай лягайте спа-чувать!..

– За-а-а-а-апряга-а-айте, хлопцы коней!, – в два раза громче упрямо начинает сестра, в такт стучая ладошкой по почти пустому ведру, в которое она дёргает морковку с грядки.

– Ра-а-а-аспрягайте-е!!..

– За-а-а-пряга-а-а-а...!!!

Нашу лягушачью какофонию прерывает зычный бас деда Толи, который с утра залез на крышу с молотком и тремя гвоздями в губах «шифер поворочать»:

– Та не мучьте ж скотину!...

Взрыв хохота во дворе заглушает даже радио. Бабушка Надя испуганно выскакивает на высокое крылечко из временки:

– Шо стряслося?

Тётка моя Зоя, красная от хохота, звонко кричит от стола под навесом, сама себя подзадоривая:

– Та вон Липка «коней запрягает», а Алька «распрягает», а дед им с крыши: «Не мучьте скотину!», – и опять закатывается смехом, давится вишенкой, и кашляет, а мама моя тут же хлопает её по спине кулачком, и тоже смеётся, чуть со стула не падает. Вареники с вишней они с утра лепят, уже второй столик подставили, потому что вареников налепили миллион, и уже подносы кончились, во скока вишни!..

– Та ну вас!, – баба Надя ничего не поняла, но видит, что всё в порядке, и грозит кулачком, измазанным вареньем, – Дурака валяете, ей-богу!, – для порядку «вставляет чертей», – Заканчивайте уже! Ещё вишню надо! Чё сидите?

Я на вишне сижу уже час, наверное. Не высоко, метра четыре, а вы попробуйте, продеритесь наверх! Вишни тут... Одуреть сколько! Снизу-то уже всю пооборвали, а на самом верху, на тонких веточках большими гроздьями качаются сразу штук по двадцать на каждой. Тяжёлые, спелые, чуть не чёрные уже. Такая отрывается мягко, так, что косточка остаётся на «хвостике». Собрать трудно. Сразу сорвать можно разве что парочку. Пожадничаешь, хапнешь побольше, чтобы не так часто тянуть руку, да половину уронишь, половину раздавишь в руке. А спелая вишня если не в траву упадёт, а на тропку – получается жирная кровавая клякса. Во какие вишни у деда! Вишню собирать нужно умеючи, за что меня (единственного внука при целом батальоне внучек!) и уважают, и одному только мне разрешают лезть на самый верх к тоскливой зависти сестёр. А лезть на дерево нужно босиком, и в одних шортах. Только дурак влезет на дерево в обуви и в пиджаке, уверяю вас. Вишня вроде и не колючее дерево, но цепляется вокруг тебя, спасу нет. А кора у вишни – гладкая, и в обуви тут делать нечего. «Грохниси!», – баба Надя наотрез отказала Липке, и шестилетняя Липка вульгарно и тщетно порыдала на всякий случай, но Липке торжественно вручили эмалированное ведро:

– Вот, смотри, моя сладкая, вот так за хвостик берёшь, и на жопку смотришь – если морковка жирненькая – ты её тяни, а если худёнька – хай ишо растёт! Хорошо?

И у Липки мгновенно высыхают слёзы, и глаза принимают размер бублика, когда бабушка у неё перед носом совершенно спокойно потянула за травяной пучок, и вытянула из земли морковку размером с пол-Липки!..

– Помогай бабушке, помогай!, – баба Надя притворно кряхтит, головой качает, спину себе гладит, – Кто ж ишо бабушке поможет, сладкая ты моя! Помощница ты моя!..

И Липка таскает между грядок ведро, хищно высматривая «жирненькие жопки», и всякий раз, с трудом вытянув здоровенную морковку, говорит негромко «О-о-о-о...», и смотрит на морковку, как на сокровище.

– Желтога-а-а-азая ночь!, – затягивает мама неожиданно, и тётка Зоя тут же подпевает, – Желтогла-а-азая ночь! Ты царица любви-и, ты должна нам помочь! Желтогла-а-азая ночь! Желтоглазая ночь!, – но дальше они не помнят, но не останавливаются, – На-на-на-аа! На-на-на! Желтоглазая ночь...

А дед с крыши кричит кому-то в сторону:

– Петро!, – выпрямился, с опаской балансирует, подходит к краю, – Почту носили уже?

– Та чего-то нету!, – слышим мы из-за соседского забора, и тут же бренчат чем-то железным, и собака лает, и на неё шикают, – Ну-ка! Чё орёшь?..

И дед ещё чего-то говорит, но по улице с рёвом мчится мотоцикл, набирая скорость, и дед в сердцах «тфу...», и ждёт, когда тот умотает подальше.

...А темнеет тут быстро. Марево летнего зноя, насытившись запахами зелени, закатывает сытое солнце за высокие тополя, тени становятся длинными и темнеют, и сверчки выходят на эстраду, настраивая струны перед концертом. Нас с сёстрами «накупали», сестёр «заплели», мне помазали коленку «зелёнкой», а на столе в прохладе сумерек на клеёнке парит здоровенная кастрюля с варениками, и в центр их брошен добрый кусок сливочного масла, и я вижу, как этот кусок дрогнул и потёк золотыми мутными слезами, проваливаясь глубже в горячее, а радио среди стремительно темнеющего вечера становится отчётливее:

– ... Зачем вы де-вушки-и... Красивых лю-любите-е...

Аня

...Аня проучилась со мной в одном классе со второго по девятый. Выросли мы с нею вместе. Мало того, последних года три она просидела со мною за одной партой. И сидели мы с ней в первом ряду, за первой партой, нос к носу к учительнице. Аню садили вперёд – потому что была очень маленького роста (меньше полтора метра, ей-богу!), а меня же – потому что я был первый клоун в классе, и потому держали меня поблизости, и доставалось мне за мои выкрутасы и особую прыть частенько. Учился я всегда хорошо, почти по всем предметам у меня были пятёрки, а за поведение – твёрдая жирная двойка. И какого чёрта, спрашивается?... Одним из объектов моих насмешек и шуток была моя верная Анька. За малюсенький её рост я беззлобно называл Аньку «Козьявкой», и она всякий раз краснела, опуская глазки, и тихо шептала: «Ну, зачем ты так?..», и при этом никогда не жаловалась. Удивительно нескладная, тощая девочка была Аня. Летом, после затяжных каникул, наши девчонки ни с того ни с сего вернулись в школу «савсэм дэушками», и многие уже даже были замечены (пардон) в лифчиках, а Анька как была шпендик, такая и осталась. Только два прыщика смешно топорщат крахмальную кофточку. По всему классу покатила «первая любовь», и я во всю выкоблучивался перед Атакишиевой Наташкой, а та засматривалась на старшеклассников, совершенно игнорируя моё внимание. Играл гормон. Бродил и бурлил, искрясь и попахивая угрожающе.

...В нашей школьной столовой столы ставили одной длинной лентой, и мы садились друг напротив друга. Как правило, напротив меня всё время оказывалась моя верная Анька, но я её редко замечал, разве что только для порядка, чтобы при всех громко выкинуть что-то типа: «Ой, граждане! А компот-то сегодня с козьявками!». Все смеялись, и Аня краснела, опуская глаза, и шептала неслышно: «Ну, зачем ты...». А я краем глаза замечал, что в нашу сторону продвигалась Наташка, поджимая губки, словно секретарша. И вот я набрал полный рот гречневой каши, и, оттянув уши, скосил в кучку глаза. Вокруг все опять привычно заржали. Я хотел выкинуть какой-то фортель, но вдруг совершенно неожиданно чихнул...

...Все громко и зло смеялись, подбегали посмотреть всё новые и новые ученики. Анька, красная от стыда, плакала навзрыд, с ужасом осматривая свою кофточку. Её волосы, лицо, кофточка и юбка – всё было в моей жёванной каше...

Девочки долго и безуспешно «отмывали у умывальника» бедную Аньку, и она вновь и вновь заходила рёвом. Я хотел извиниться, но меня к Аньке не подпускали, и зло шипели: «Дур-рак ненормальный!». А моя тайная зазноба Наташка трясла Аньку за костлявое плечо, и наставительно выкрикивала: «Всё-всё расскажи! Слышишь? Всё-всё так и расскажи Галине Васильевне! Поняла?!», и бросала в мою сторону презрительные взгляды...

...Прошло лет двадцать после школы, и я случайно встретил свою Козьявку. Если бы она меня не окликнула, я бы её не узнал, клянусь. Шикарная женщина с рыжей шевелюрой, фигура, грудь... Ах!.. Песня, а ни женщина...

– Алик? Привет! Алик? Гасанов?!

Я обалдело поздоровался, разулыбался во всю рожу, совершенно не припоминая незнакомку. Разговорились. А Любку видел? Да? А Вадика Вострокнутова? И только после десятка вопросов-ответов я вдруг потрясённо понял: Боже мой – ЭТО – АНЯ?!...!

...У неё двое детей. Мужа хвалит. Всё хорошо у них. Родители в порядке.

Мы стояли посреди тротуара, и трепались полчаса так, будто не виделись месяц. Ей кто-то постоянно звонил, и она сердилась в трубку: «Всё-всё-всё! Бегу! Бегу... „Бегу!“; говорю!...», и тут же задавала мне очередной вопрос: «А Гальку Кац помнишь?».

Боже мой, до чего ж хороша... Удивительной красоты и свежести женщина. Неожиданно ввела меня в полный ступор... Вот именно так когда-то сто лет назад она тоже вдруг запросто отряхивала на мне рубаху, словно неглаженую расправляет на груди...

...И вот мы распрощались, и я вдруг спросил напоследок:

– А почему ты не нажаловалась на меня тогда, Ань? Когда я... кашей... Нечаянно...

Прежде чем уйти, Анька улыбнулась, показав прелестные зубки, и ответила просто:

– Я любила тебя. Всегда. Дурак...

В садике

...Ребёнка забирал из садика как-то, помню.

А родитель я неряшливый. Сколько раз жена ругалась, призывая всех святых в свидетели: – Ты чего, совсем дурак, что ли?!., – и в злых глазах слёз по пол ведра в каждом, – Я же просила тебя – забери ребёнка до пяти часов!!.. Ты где был?!.. Скотина!!.. Где ты был?!.. Я тебя спрашиваю!!..

И орёт, как ненормальная... Опоздал я немного. И чего? Забрал ребёнка после восьми. Чего тут такого? С каждым бывает...

... – С каким там «с каждым»!.., – кричит жена, сдирая с сына одежду, – С каким «каждым»?!!..

И плачет дура так злобно, что я не знаю, куда деваться.

... – Я каждый день тебе говорю одно и то же – «Алик! Не забудь забрать ребёнка!.. В пять часов у них группа закрывается!!», Стой нормально!, – автоматически рычит она на сына, «мудохаясь» с пуговкой на воротнике, – А ты?!.. Ты дурак совсем, что ли?!.. Сколько можно?!.. Ты о чём думаешь опять?!.. Дубина тупорогая!.. Ребёнку спать скоро пора, а его ещё купать и кормить!.. «Гений» долбанный!.. Опять свою хрень пишешь?..

Мне иногда кажется, что она меня не любит. Всё время «гением» обзывает.

... – Я же просила!.. Ты же обещал!..

А я вроде и не опаздывал совсем. А потом к садiku подбегаю, а там уже и все окна тёмные, и сторож баба Света посмеивается:

– Опять вы запаздываете?

И сынок мой сонный сидит на стульчике, в уголок голову прикорнул, вот-вот уснёт, зевает, набок норовит уложиться.

...А тот раз совсем рано получилось придти. Полпятого почти. По коридору иду к группе, уборщица тётя Наиля останавливает:

– Тут посидите пока. Сейчас домою – и пойдёте. Вы чего так рано?

...И сажусь я на крохотную лавочку, наблюдая, как бабулька с шваброй в позе «буква Гэ» удаляется по коридору, натирая зигзагом линолеум. Рядом дверь приоткрыта, слышу негромкое:

... – Я же просила уже – я хочу раком!

В садике тишина. Всё вымыто до блеска, на стенах картинки, папье-маше. Фикус огромный подрагивает сонным эхом в длинном коридоре.

... – Нет!..., – капризничает невидимая девушка, – Я тебе сразу сказала – я только раком буду!..

Невольно съёжившись, я представил, что меня «застукают» сейчас, выглянув, мол, чё подслушиваешь, дурик?

... – Не-е-ет!... Я же говорила уже... Я хочу раком!.. Ни чё я не вредничаю!..., – посмеивается за дверью прелестница, капризничая с удовольствием, – Или раком, или вообще не буду!... Всё!... Да!.. Только раком!..

И смеётся, и хихикает, показывая, что и сама согласна, что она и вредина и капризуля:

... – Я раком хочу-у, говорю!... Только ра-аком!..

Видя, что уборщица не меняя позы скрылась за углом, я по-воровски на цыпочках прохожу мимо похабной двери, стараясь не прыснуть смехом. Следом несётся говорок:

... – Ну всё!.. Договорились?!.. Алё?!.. Короче говоря, я буду «Рак». Трофимова – «Лебедь», а Мария Васильевна – «Щука»!.. Хорошо?.. Ну, ладно, давай!.. Чмоки-чмоки!.. Я уже костюм меряла...

И я сижу потом весь взволнованный в раздевалке, жду сыночка, доедающего супчик, весь такой довольный, что не застукали меня...

Дурак, ей-богу... Кому скажи...

Крылова они, сволочи, изучают в садиках, видети ли тили... ти...

Домовик

...Дед мой, Анатолий Леонтьевич, царствие ему небесное, хороший человек был! Рассказывал нам часто истории немудрёные, а мы, внуки (целая шайка нас бывало соберётся в кучку, рты раззявим – слушаем!), и всё ждём, когда дед опять про домового вспомнит. А домовый-то – тут, как тут!.. То половицей скрипнет в углу, то у печки голик легонько толкнёт, да тот и проедет ручкой по стенке, да и шлёпнет на пол, как живой... Озорник домовый-то. А дед его хвалит нахваливает, а и есть за что. У сильного домового и в доме порядок, и по сараям, по огородам всё на местах. И дровня полным-полна, и в погребе сухо, и припасов под самый потолок.

Раньше-то в каждом доме домовые водились. Да! Что же за дом без домового-то?.. Кто же за порядком-то присмотрит? Без хозяина-домового и мыши напраказничают, и крыша протекает, и, того гляди, до пожара недалеко, упаси Господь!.. Домовой за каждым смотрит, да всё замечает. Строго припомнит потом.

Ежли, к примеру, кто из людей скромен со старшими, да работящ и весел – получай, что заработал: домовый и в трубе смешно погудит, и сон до утра охранит, а по дому поможет так, что и не заметишь работы-то, всё споро, быстро, да весело. А кто врёт много, да зло в себе таскает – домовый тоже смотрит, да примечает. И вот будто валится у такого человека всё из рук – это домовый его под локоть толкнул. И муху в молоко бросит, и в борщ плюнет, чтоб тот скис за ночь. А спать злой человек ляжет – домовый и давай ему спать мешать: то одеяло стянет, а то наоборот – с головой укроет!.. Так вот было.

Были домовые. Были... В старину-то. В каждом доме были. А по дому-то сразу и видно. Если видишь – домик и тёплый, и крепкий, и сытно в доме, и песни поют – так и знай, в этом доме домового уважают и слушаются, вот и он за домом смотрит. Чуть кто вздумал ругнуться – домовый с чердака тихонечко в половицу – «стук!». Мол, ну-ка, тихо там!.. Человек сразу и молчок... Нечо ругаться-то. Или кто вдруг обиду затаил или ещё чего, домовый тут как тут: то в печке чихнёт, то форточку сквозняком толкнёт. Предупреждает, что бы не забывали-то.

...Бабушка на рушнике завязывала пару узелков и получалась кукла. И вот уже домовик кубарем с чердака бежит – торопится. И в куклу-то шмыг!.. И кукла оживает будто. И споёт и спляшет кукла Катька, и поругает, что молоко не допил, и покорит, что снег ел – это домовик в кукле бабушкиным голосом пел мне когда-то: «Ой-лё-ли!.. Ой-лё-ли!»

голик – веник,

дровня – место, где хранят дрова,

рушник – полотенце,

кубарем – кувырком (кубарь – небольшой деревянный выюн-юла для игры в старину).

В парке

Как-то прогуливался я с сыном по парку...

...Сын в коляске дрыхнет, ему два месяца. Я – новоявленный папаша. Листьями клёна шуршу по аллее задумчиво. Девки навстречу идут. Я имею ввиду – дамы. Улыбаются нам, будто у меня козявка в носу торчит. Нам всё время улыбаются, я заметил. И вот засмотрелся я на девок, в смысле на женщин. И тут, на тебе!.. Получай. Наступаю на собакину какашку. Как я не заметил её, заразу?.. Остановился. Стою на одной ноге, держась за коляску. Соображаю, удивлённый. А девки ржут, оборачиваются, того гляди дули крутить начнут и языки показывать. В смысле девушки. Развеселил, твою нехай. Как же я так? Стою, соображаю...

Склонный к шизофрении с детства, подхожу я ко всему философски.

В голове моментально зажужжала пружина, звякнули звоночки и, тарахтя и вибрируя, рывками вылезла перфолента с вариантами решений.

Самое простое – пошоркать ногой по асфальту, як Майкл Джексон, мир его праху. Но, позвольте, – тут же второй вариант выдал ссылку, – размазав собакину какашку, я только увеличу её в размерах и усилю аромат, изменив трением консистенцию и температуру массы... Лучше аккуратно счистить её об острый край бордюра, и делу конец!..

Я машинально отыскал ближайший бордюр, навскидку прикинув, сколько прыжков на одной ноге нужно сделать, чтобы допрыгать?..

И тут же хмуро отверг этот вариант!.

Сами представьте – это я, значит, сейчас ботинок почищу, а моя какашка останется на бордюре грубым щедрым мазком? Я имею ввиду собакина. И все проходящие будут смотреть и негодовать? «Вот, мол, смари, какая-то сука какашку с ноги соскребла!.. Полюбуйтесь, граждане. Не могла, скажут, тварь такая, о траву вытереть!..», – возмутятся справедливо. И, проскакав дальше, я чуть не грохнулся, перепрыгивая через бордюр на одной ноге. Это оказалось не просто – перепрыгивать на одной ноге. Нет, если вы просто так прыгаете – ни чего сложного, но если вы прыгаете, опасаясь вытереть об штанину собакину какашку – с непривычки это очень не просто. Попробуйте.

Выбирая место, я невольно залюбовался пейзажем.

Места тут заповедные. Сосны и дубы мирно соседствуют друг с другом. Везде на травке и хвоя, и жёлуди, и листочки лежат, как пластмассовые. Куда ни глянь – бери и фотографируй, ей-Богу!.. Местному жителю уже привычно, а нам, приедем, всё в диковинку. Веточки, иголки сосновые, листья дуба цвета табака... Ах, до чего красиво!.. А пахнет так, хоть в чай воздух заваривай!.. пышной душистой периной дышит земля благодатная!.. Негде ногу вытереть от говна, я имею ввиду. Да я бы и сам со стороны возмутился – тут красотища неземная, аж жить хочется, а тут какой-то хмырь на одной ноге прыгает, какашку прискакал размазать... Совершенно расстроенный, я очнулся от смеха сзади.

Одна девка, я имею ввиду барышня, коляску мою тихонько покачивает, наклонилась, улюлюкает, вторая, прикрывая от смеха рот, протягивает мне салфетку:

– Вот, возьмите!.. Чё вы скачете?..

И хихикают, заразы:

– Хи-хи-хи-хи-хи-хи...

Не теряя благородства, держась свободной рукой за ольху, я поблагодарил красавиц, оттер собакину какашку, и бросил салфетку в урну.

Сразу стало намного лучше.

Ох, до чего же красиво тут!.. И девки тут хорошие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.